

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения

Иван Сергеевич Аксаков

Об отношении православия к русской народности и западных исповеданий к православию

«Постоянные читатели „Дня“ помнят, конечно, как часто приходилось нам объяснять и доказывать, что русская народность немыслима вне православия; что православие есть тот духовный исторический элемент, под воздействием которого сложилась и образовалась русская народность, что тщетны все попытки выделить из идеи русской народности идею православия, выкачать, так сказать, из нее разными насосами самый воздух и создать из этого обездушенного материала какую-то новую политическую русскую народность...»

Иван Сергеевич Аксаков
Об отношении православия
к русской народности и
западных исповеданий к
православию

По поводу книги Овербека «С Востока свет»

Постоянные читатели «Дня» помнят, конечно, как часто приходилось нам объяснять и доказывать, что русская народность немислима вне православия; что православие есть тот духовный исторический элемент, под воздействием которого сложилась и образовалась русская народность, что тщетны все попытки выделить из идеи русской народности идею православия, выкачать, так сказать, из нее разными насосами самый воздух и создать из этого обездушенного материала какую-то новую политическую русскую народность... Мы подверглись тогда ожесточенным нападениям со стороны многих русских газет, особенно тех из них, которые имеют любопытное в психологическом отношении свойство любить Петербург. Им было совестно за такое варварское мнение перед цивилизованной Европой, и они спешили отречься от всякой солидарности с нами. Им было стыдно за эпитет «святая», данный русским народом Руси, и они старались доказать, что этого эпитета вовсе не существует!!! Немало же будут они удивлены, встречая там и здесь – пока еще редкое, но имеющее непременно усили-

ваться и распространяться – мнение просвещенных иностранцев, поставляющих России в заслугу то, чего наши цивилизованные «националы» так стыдились. Мы уже указывали на слова германца-профессора, не признающего никакой надобности русским людям писать иначе, как по-русски, и предлагающего своим собратам по науке воздержаться от всяких суждений о России, пока они не научатся сперва русскому языку. В той же книге Овербека, этого самостоятельного мыслителя, этого нового свободного борца за учение православной церкви, о которой мы говорили в последнем номере, мы читаем следующие строки:

«Упрек, делаемый России в том, что у русских *народность и церковь* сливаются вместе – утверждение довольно правильное; но это вовсе не может быть поставлено ей в упрек, а в *преимущество*. Что именно безотраднo для нас, бедных германцев, это то, что наше народное чувство пристегнуто к какому-то отвлеченному, безжизненному понятию (*wesenlos*): „Германия“. И этот конгломерат отдельных составных частей еще раздво-

ен сердцем – в религии! Первое условие для единства Германии – есть единство веры... Мы охотно готовы допустить, что в России много недостатков, что она нуждается еще во многих преобразованиях, но она – с религией тесно связанное государство, и это ее превосходство. Государство чтит религию, религия чтит государство, и их интересы взаимно сливаются. Франция обладает сильным чувством национальности, но она зиждется не на религии, а на *gloire* (славе)! Англия обладает сильным чувством национальности, но и она зиждется не на религии, а на идее свободы! Россия же зиждется на вере, – оттого и великою будет ее будущность»...

И это говорит немец, профессор, протестант, и напечатано это по-немецки, в Галле! Не то ли же это самое, что высказывается во всех сочинениях Хомякова, К. Аксакова, Киреевского, как голос народного самосознания, и что подавало и еще подает такой обильный повод к глумлению в нашей цивилизованной публике? Вспомним слова К. С. Аксакова, что русские исторические летописи имеют характер *жизня* русского народа; вспомним стихи

Хомякова: «Мечта», «Остров», «К России», «Ключ», где он, 30 лет тому назад, пророчески рисует картину будущего России. Смотрите, говорит он, как широко разлились воды этого покуда еще неизвестного, но могучего ключа, сокрытого в груди России, смотрите,

*Как к берегу чуждые народы,
С духовной жаждой собрались!..*

Пророчество сбывается; чаще и чаще стекаются к нам, томимые духовной жаждой, представители чуждых народностей, допрашивая духа жизни, сокрытого в святой русской земле... Но сама Россия – поняла ли она свое призвание? Вспомнила ли, говоря словами поэта, свой высокий удел? Воскресила ли в сердце бывшее и «в нем сокрытого глубоко», допросила ли духа жизни? Проснулся ли дремлющий Восток?.. Пришли будить его западные народы... Неужели и теперь Восток не проснется и, не добудясь его, возьмут они, по праву, у спящего его дарование и призвание и лишат его сужденной ему, но не заслуженной им славы?

До какой степени православная вера есть

общественное и бытовое начало русского народа и проникает собою его историческое бытие; до какой степени ясное разумение России и ее, по-видимому, чисто внешних, даже политических обстоятельств невозможно без разумения ее духовно-исторического элемента, – это всего лучше доказывается тем, что едва немецкий ученый усвоил себе истину православного учения, как самый взгляд его на многие события внешней истории стал совершенно отличен от общего европейского взгляда. Так он говорит в одном месте, что «постыдная история пятого крестового похода бросает объяснительный свет на столь загадочную войну России с Европой в 1854–1855 гг.». Так и в его заметках об истории Византии, рассеянных в книге, видна уже совершенно иная, не общая рутинная в Западной Европе (и даже через Европу и у нас) точка зрения.

Познакомим, однако же, читателей поближе с содержанием самой брошюры. Вот заглавие четырех глав, из которого виден логический ход мысли автора. 1-я глава: «Папство и иезуитизм»; 2-я: «От романизма чрез протестантизм к русскому православию».

стантизм к православному католичествому (orthodoxer Catholicismus)»; 3-я: «Православная католическая церковь Востока»; 4-я: «Православная католическая церковь Запада». Кроме того – 5-я глава, посвященная разбору знаменитой папской энциклики 8 декабря 1864 г. В предисловии своем он вкратце очерчивает цель и задачу своего труда. Сказавши, что дух папства есть иезуитизм, а его основание – ложь, Овербек продолжает: «Когда папа отторгнул Запад от Востока, Восток сберег, по свидетельству истории, доселе единое католическое (вселенское) учение неизменным даже до сего дня и ждет, с томлением, воссоединения всей христианской церкви. Если б Лютер принадлежал к церкви восточной, то он не имел бы причины оставлять ее, потому что первоначальные обвинения, справедливо возведенные им на римскую церковь, не нашли бы себе места по отношению к восточной церкви. Но что Лютер, с своей пылкой головою, напал на самые божественные основы здания вселенской церкви и отложился от них – в этом роковое зло протестантства, в котором (то есть в протестан-

стантстве) объективная христианская истина разрешилась в чистую субъективность и которое тем самым отреклось от исторической почвы, тогда как она лишь одна может выдерживать явление историческое – каково христианство. Превратите христианство в философскую систему: как бы она там ни казалась красива и удобна, – она все-таки будет всего менее – христианством, то есть Христом созданною церковью. Хотим ли мы обратиться назад к первоначальной церкви (Urkirche), то должны наперед допустить, что она непременно где-нибудь да существует; ибо никакой исторический факт не может быть воссоздан вновь – силою одной отвлеченной мысли».

Далее, следя шаг за шагом нить исторического предания, Овербек постепенно переходит от Иерусалима к Риму и от Рима, употребившего во зло свое случайное, историческое, но лишенное всякой божественной основы, преимущество – к Константинополю, который он и называет столицей христианского мира. «Вся восточная православная церковь, – говорит он, – состоит с Константинополем в союзе веры; но патриарху и на ум не прихо-

дит домогаться для себя, *jure divino*, высшего места против самого малого из епископов». «Но если Восток (оставаясь Востоком) сохранил притом и чистую вселенскую (кафолическую) веру, то и западная церковь, возвращаясь к чистоте веры, может удержать свой местный особенный отпечаток. Она имеет свою собственную, древле-апостольскую литургию, свой западный обряд богослужения, свою дисциплину и церемонии, которые возникли на почве и в духе Запада, и настолько отличаются от восточной символики, насколько и характеры народов той и другой стороны. Задача же наша теперь в том и состоит, чтобы воссоздать вновь чистую, не папскую (*unpapstlich*) западную церковь на основе общего вселенского (кафолического) учения, как сохранил его неповрежденным Восток». Но как приступить к исполнению этой высокой задачи? «Длина пути от слова к делу, – продолжает Овербек, – соразмеряется с упругостью нашей воли. Это не тот – долгий, затруднительный и ошибочный путь прежних попыток воссоединения, которые ставили себе задачей соединить разом оба великие

тела, вопреки папству, и оставляя совсем в стороне протестантов. Нет, мы обращаемся к отдельному лицу, индивидууму; русский католицизм и протестантизм доставят нам камень для здания, и *мы знаем*, что православная церковь примет нас в свое церковное общение...». Это место предисловия поясняется подробнее в самой книге, в главах «От романизма к православию через протестантизм» и «Православно-кафолическая церковь Востока». Очевидно, что немецкий профессор близко знаком со всеми недавними попытками к сближению с нами англиканской церкви. «Рим сам виноват, – говорит Овербек, своим довольно оригинальным способом выражения, – что никто его терпеть не может, кроме его собственных домочадцев. Но и этих домочадцев бьет он по голове, как скоро в этой голове пытается что-либо возникнуть, похожее на „собственные мысли“. Православная же церковь искони состояла в иных отношениях к протестантству. Ее единственное сердечное желание: воссоединить вновь расколотую христианскую церковь. Она никогда не отталкивала от себя никакого протестантского

сближения, как ни держится она твердо за перешедшую к ней по наследству чистоту учения. Еще и сию минуту делаются попытки и в Англии, и в Америке ввести в общение англиканскую церковь с православной. И хотя последняя очень хорошо знает, что на том основании, на котором зиждутся обе епископальные церкви (английская и американская), противопологая его основанию вселенской церкви, немислимо никакое соединение; но тем не менее она принимает протянутую к ней руку, дабы через ближайшее внимание в дело распространился свет, любовь и познание.

Православная церковь могла бы сказать: „Отложите сперва ваше протестантство, а остальное уже само обрящется“. Но она знает, что такие надменные повелительные слова имеют свойство оскорблять с первого же раза; она терпеливо ведет к вразумлению. Она знает, что даже заблуждающийся брат все-таки брат и требует пощады. Она предпочитает руководить его и дать ему возможность самому доискаться своей ошибки, вместо того, чтоб выступать против него с анафемой и

ожесточать брата, еще не успевшего сделать и шага на пути к соглашению. Англиканская церковь в особенности всегда чувствовала сильную склонность к православной. Причина этой склонности лежит, конечно, в том, что в англиканской церкви больше, чем в какой-либо протестантской, сохранилось *церковное сознание*». Впрочем Овербек, разбирая подробнее сущность англиканизма, признает его явлением еще менее законным и логичным, чем чистое протестантство. Он прямо выражает мнение, что притязания англиканской церкви на преемственность рукоположения, на священство и епископство совершенно ложны, и что православная церковь не может признать звания англиканских bishops и священников. «Был ли когда-либо царь в православной церкви тем, чем хоть теперь королева в англиканской?!» – восклицает он. Что же касается до протестантства, то конечно это путь ошибочный, говорит Овербек, но и он не без блага. Путь усложненный, конечно; взор – постоянно обращенный во все стороны. Все испытуемо и взвешиваемо. Протестантизм похож на ту воспитательную

систему, которая дает детям свободно развиваться и не полагает никакой преграды им на пути, но и не дает никакого пособия в руки, не предостерегает, не удерживает, не ограждает, дабы собственным злым опытом дошел человек до разумности. Многому научаются при этом, многому ненужному, но и многому полезному. Полезнейшее же из всего полезного, чему приучает протестантизм, – это безоглядному безрасчетному выражению своего мнения и свободной решимости – идти во след тому, что признаешь истинным. Поэтому (и Овербек особенно налегает на эти слова) *ни один протестант не может порицать того, кто переходит, по убеждению, к православной церкви, ибо, порицая, он столкнулся бы враждебно с своим собственным принципом.* Но и в том заслуживает протестантство нашей признательности, что оно раскрывает взору совершенно свободный вид на все стороны христианского мира, так как оно стремится обнять всемирно-христианское и стать выше вероисповедания.

Конечно, эта задача призрачна, ибо христианство и церковь одно; но это заблужде-

ние имеет по крайней мере то доброе последствие – что все подвергается испытанию. Главная же заслуга протестантства в том, что оно обличило всю ложь папства и иезуитизма, и величайшим благом для него – то, что «оно разрушает в западном мире предубеждение против православной церкви, научает познавать ее ближе и, как бы сказать, вводит в нее».

Едва Овербек касается православной восточной церкви, речь его становится поистине восторженной. Ее учение, говорит он, то же самое, что и в то время, когда отделился от нее Рим. «Ее называют умершею, окаменевшею за то, что она не собирала потом никаких вселенских соборов, не предпринимала никакого нового развития и определения догматов, в противоположность Риму, который может выставить целый ряд новых вселенских соборов и развился так мощно. Нет – разрыв, дотоле единой, вселенской церкви причинил православной церкви такую глубокую и вполне праведную скорбь, что она все еще уповает на исцеление и на возвращение католического Запада, – тогда как Рим выстав-

ляет вперед достойное смеха и жалости зрелище вселенских соборов, исключая из них целую половину католического мира! Где же затем истинный христианский способ действий? Гордый Рим скоро утешился после разрыва и продолжает хозяйничать, как будто тело вселенской церкви было всецело и здорово. Но что же это такое, что православная церковь сохранила неповрежденно чистым свое учение, несмотря ни на реформацию, ни на расколы? Возможно ли это без особенного Божьего содействия? Что называют в ней римляне жестокосердием – есть верность вере в течение восьми и до десяти веков. Эта верность вере в православной церкви есть истинная загадка. Назовите мне чудо – больше чем воскрешение мертвых! Есть такое чудо, это именно тысячелетнее *сохранение в живых* чистого неизменного верования. Пусть пораздумают над этим изумительным фактом и приищут ему какое-либо подобие в истории человечества»... Далее Овербек бросает беглый взгляд на те печальные исторические обстоятельства, которые приходилось переживать православной церкви, на те невыгодные

условия, в которых она находилась для своего развития... «Восток, – продолжает он, – пал, по неисповедимой воле Провидения в руки варваров (хотя и не без вины папского Запада!), и обратился в духовную пустыню под владычеством полумесяца. Но брошено в него семя церковью православною, которое скоро покроет все поле жатвою и не в дальнем будущем увидит торжество христианства!» «Приязания Рима выжгли клеймо, – возвращаемся опять к предисловию автора, – на великом имени „кафолическая (вселенская) церковь“; он похитил, присвоил его себе, но мы должны вновь восстановить его в прежней чести. *Дух православного кафоличества есть вера, любовь, убеждение, свобода, благочестие, движение вперед*». «Иди же в мир, мое слово, и благослови его Бог!» – так заканчивает Овербек свое предисловие.

Не нуждается, конечно, ни православная церковь, ни православная Русь в одобрении и в ободрении со стороны Запада; но не может не радоваться церковь, а с нею и Русь, распространению света, торжеству истины, возвращению в ее лоно отпавших, спасению за-

блуждавших.

Затем обратимся уже не к церкви, а к самим себе как членам церковного общества. Усилим же, наконец, наше внимание; вникнем же и уразумеем, что мы стоим теперь пред лицом Запада, томимого, в лице лучших людей своих, духовною жаждою истины, — что Провидение через них напоминает нам о пренебреженных нами дарах, и что мы должны быть готовы к предстоящему нам служению, дабы не явиться недостойными нашего призвания. Испытуем же сами себя.